
Рина Вечерняя
Насыщение

Рина Вечерняя

Насыщение

https://litres.ru/73826049
SelfPub; 2026

Аннотация

Не во всех мирах местным жителям живется легко и просто. У многих из них жизни похожи на ожившую горрдскую страшилку. Но даже в таких условиях можно жить... Если постараться... Или если не вмешаются посторонние факторы

Рина Вечерняя
Насыщение

Глава 1#

Скорее всего, любой мир начинает что-то со светлых времён. Процветания, идиллии, всеобщего счастья. Однако, насколько мне известно, с этим миром дела обстоят иначе.

Он всегда был серым. Серым и скучным. В нем все и вся слишком чахлые, чтобы можно было выдуть муху неподражаемого слога.

Серые жизни протекают в одинаковых домиках, с облицовкой и цветными булыжниками в фундаменте; серые семьи творят свои ячейки за узорчатыми занавесками; серые люди занимаются скучными делами на благо друг друга, и все это творится под бурым небом, не знавшим солнца и хорошей погоды...

Населяющие этот мир существа — маххи, — как и сам мир, могли бы быть непримечательными, вот только с самого рождения они одарены различными природными способностями. Умение влиять на мир, на других людей и живые создания. Умение менять что-то. Уродовать. Это совершенно нормально для здешних обитателей. Для здешнего мира.

И даже так... Даже в море коса нашла на камень, поскольку силы им стоят больших цен.

Всю жизненную пору эти необычные люди вынуждены мучится под гнётом своей же мощи — напора энергии, которую далеко не всякому под стать обуздать. В противном же случае, маxx попросту рискует сгореть заживо или выжить из ума...

На протяжении веков наделенный народец старался справляться со своей судьбой : были одаренные, способные и учащие других контролировать себя, были умельцы, изобретающие различные тренирующие техники и успокаивающие методы, а были те, что под шквалом невзгод открывали специальные лечебные клиники и аптеки, торгующие снадобьями, могущими на время усмирять внутреннего зверя для каждого, чтобы их соплеменники чаровали и ворожили без страха оглянутся и увидеть за собою багряную вереницу неоправданных действий и поступков.

Но ведь то лишь на время... Как же быть бедолагам? Им что же постоянно боятся за себя и близких? Неужели нет какого-нибудь выхода из этой коробки, заполненной маххией?...

###

Бледный желтый лист одинокой лодочкой кружил в унылой серой луже, а застрявший на нем, бегающий взад-вперёд, муравьишка пытался оттянуть момент или, быть может, спастись?...

...Усталая девушка размышляла о чем-то, сидя на своей маленькой уютной кухоньке, и пустым взглядом пялилась в окно на осыпающиеся украшения города.

То была вовсе не осень, однако мир готовился к окончанию наступающих времен. Говоря простым языком — творилось нечто неоднозначное.

На этой планете почти всё да причем очень давно посходило с ума. Птицы позабыли в какой стороне юг и совсем уж нередким было увидеть падающие с небес пернатые тушки.

Деревья пребывали во всех стадиях цветочного пубертата. Тут были и листья, и бутоны и гниющие плоды разом, что голыми ветками пугали прохожих не хуже аниматронных фигур в дешёвеньком парке аттракционов.

Говорить о тепле или солнце не приходится от слова совсем. Люди и припомнить не могут, когда видели его в последний раз.

Все было ужасно одноцветным, напоминало застрявшую на перепутье осень; недозиму, тлеющей наледью покрывающую этот неровный круглый шарик обещанием "завтра", которое легко могло оказаться более худшим, чем "сегодня".

Уперев в подбородок оба кулака, она все продолжала глазеть в запотевшее окошко. На часах пробило третий час дня, а утро словно и не собиралось уступать место запоздалому дню. Зевота пробирала ее наровне с морозящими сквозняками, с четырёх сторон опоясывающими небольшой домик под голландский стиль.

"Надо дровишек принести", — подумалось ей и, разом снимаясь с места, она обернула табуретку, чья мягкая обивка, не помышляя о подобном предательстве, отпечатывала ее след последние несколько часов.

Витое колечко приятно сдавливало безымянный палец. Повязанный бечёвкой тюк рубленной древесины тут же приземлился около беленой кирпичной стенки. Легонько лязгнула чугунная дверца и один за одним, вслед за своими собратьями, поленца толщиной в руку направились в топку, вздымая угольки и снопы золотистых искр. Секундами позже из тонкой трубы потянулась кисточка сизого дымка, что новой ноткой прибавился к стае смога, парящего над этим районом.

Скрипнула половица. Это девушка подняла, обиженную ею, табуретку; сходила в другую комнату и взяла там волосатый узорный плед, чтобы завернувшись, словно бабочка в толстое руно, усесться на подоконнике у другого окна. Тут она будет мять подушку и снова пялится на улицу, будто бы от задумчивости ее взгляда что-то изменится.

#

Седеющие полянки перистых облаков, становясь грознее, прибавлялись к свинцовым собратьям и их облачным женам, в толпах которых поблёскивали неоновые ниточки молний.

Мир натягивал тугую шкуру непогодицы и девушка, что перевела взгляд на скачущий за дверцей огонек, понимала : грядёт нечто ужасное. В ее душе росла и поднимала львиную голову тревога.

Словно по одному только зову ее мысли, с улицы стали доносится визги и хаотичные звуки ударов. То был гром, бьющий по железным скреплениям соседской крыши.

На собственную головушку они это сделали. Дом можно было выбрать попроще, а крышу настелить черепицей или резинистой кровлей. Они могли поставить громоотводы или обезопаситься любым иным способом. Вот только проблема далеко не в этом. Поскольку беда брала начало исключительно в источнике грозы.

За стенами, выкрашенными в густой сливовый цвет, обитала семья немногим похожая на всех остальных. Однако кое в чём и она была достаточно отличной.

Носящие фамилию Тильд не ходили в церковь в любой из дней недели и месяца, из их трубы не шёл привычный дымок, окна всегда оставались плотно занавешены и, даже в такие дни, как этот, когда из туч был вот-вот готов пролиться дождь, звучала слегка приглушённая мелодия, отдаленно напоминающая ноты, набросанные на бумаге древними ма-

стерами. Заунывная мелодия лилась из мутных щелей, что старик Джон Тильд не успел законопатить по вине мучившего его артрита.

Мелодия лилась и всё их небольшое соседское сообщество знало : с последним ее звуком польет дождь. Так оно и случалось от раза к разу. Так вышло и сегодня.

Девушка сидящая на подоконнике внимательно вслушивалась в эти звуки, затем приподнялась, дотягиваясь до форточки, чтобы впустить в создавшуюся парилку немного свежего воздуха. Словно дожидаясь и этого, в следующую секунду пал дождь; шёл он, что говорится, как из ведра. Стена воды все падала и спадала с небесных просторов, затапливая водостоки и превращая крохотные огородики в запруды и болотца.

— Декоративных карпов не хватает, — шутливо подумала девушка, в душе радуясь за свою стеклённую тепличку.

По крышам продолжали скакать зверьки-молнии, что грохотали каменными тарелками, превращая ежедневную бурю в обыденное представление.

Наполненный влагой воздух прекрасно отражал создаваемый в нём шум, и потому в узкое отворенное окошко лезли звуки соседского дома. То как старушка Эльза Тильд носится в прихожей, то как она гремит утварью и все причитает, что нужно наконец купить веревки потуже, либо выкопать

подвал просторнее, ведь после стольких лет невозможно там усидеть и одному человеку, а что уж говорить о них троих...

Завернутая в толстый плед фигурка спокойно попивала чай из своей большой чашки, да поглядывала на их окна, за которыми чу́дными полосами скакали людские тени. Она прожила в своем доме достаточно долго, чтобы не удивляться услышанному, и все ж даже ей сейчас было тревожно и за веревку, и за подвал, и за несчастных Тильдов. На их долю выпала ноша, под которой, в свое время, всегда лопаются кости и ломаются спины. Им придется решать судьбу родного человека.

#

Всю ночь шёл дождь. А потому нет ничего удивительного, что сидящая на подоконнике "личинка гигантской бабочки" на утро была сильно продрогшей, если не сказать ососулевшейся.

Огонь в печке давно потух, выстуженная хатка и урчание живота гнали ее в движение по жизни.

—... Схожу-ка я в магазин, — решила обладательница унылой моськи.

До ближайшего продуктового было около пятнадцати минут хода, но девушка так и не сумела прогнать охватившей её дрёмы.

Из стороны в сторону покачивался шоппер, доверху наполненный лакомствами и деликатесами.

Этот ужин легко мог оказаться особенным, если даже и не этот, то обязательно следующий, а значит не лишним будет как следует подготовиться.

Проходя знакомым маршрутом, она сильно задумалась и машинально отодвигая ветвь нависшей через дорогу яблони была неосторожной. Последовал свистящий шлепок и что-то отвратительно теплое и липкое приземлилось на ее лице, застревая в волосах и на языке.

— Гнилое, — с досадой произнесла она, поворачиваясь в сторону кого-то, кто вот уже долгие пять минут смеялся над бедовостью положения, в коем девушка оказалась.

Прохладные капли серебрились в тяжелой листве, скатываясь по голым ветвям и тонкой капелью падали, звонко отстукивая по козырьку ее кепки и каменной оградке, за чьей калиткой стоял улыбчивый мальчишка.

Как и она, он был маххом, и все ж при нем девушка старалась пользоваться силами скрытно, потому как принимаемый ею вид, обижал взгляд многих.

Вот и сейчас ее карие глаза сгустили голубоватую дымку, засветившись тем же неоновым цветом, каким вчера сверкали посланники языческих богов старины.

Самой девушке ее маххия не ахти как нравилась, но к ней часто приходилось прибегать. Необычные глаза прочитали смеющегося встречного, как под увеличительным стеклом, высвечивая зеленоватые следы, плавно переходящие в синие

вкрапления и полосы.

"Хорошо хоть черных нет", — спокойно вздохнула она, подходя к оградке поближе.

Ребенок прекратил смеяться. Теперь с ним можно и поговорить.

— Смешно тебе? — спросила фигура в кепке.

— Конечно смешно, — улыбнулся мальчишка, — Я бы смеялся, даже если бы яблоко не отпечаталось на твоей физии.

— Ах ты ж...— усмехнулась девушка, оттягивая на себя ветку подлиннее.

Секунда. Звонкий шлепок. И теперь уже двое людей стоят с лицами, липкими от сока гнилого плода.

С минуту они безмолвными совушками пялились друг на друга, но вскоре им стало слишком смешно, чтобы как-нибудь не среагировать.

В утреннем тумане обе фигуры сотрясались от смеха, после чего та, что была ниже ростом махнула себе за спину. Скрипнула калитка и они направились прямиком к стенам цвета поздней сливы, чьей двери в этом молочном мороке было и вовсе не разглядеть.

#

Раскаленная плита мигом зашипела, лишь только дно мокрого чайника коснулось ее. На соседней панели пристро-

илась квадратная сковорода, со скорым на руку набором для завтрака.

Молодой хозяин этого домишки крутился рядом, весело напевая песенку о ветчине и яйцах, попутно соображая для гостьи что-нибудь, что могло бы оправдать его за недавнее происшествие.

— Извини, — обернувшись через плечо промямлил мальчик, — Я правда не собирался смеяться над тобою. Просто эта яблоня... Сыграла небольшую шутку и ты... Стала похожа на тех клоунов, в чьи лица в цирке кидают пироги. Ну те, с кремовыми завитками и ягодной начинкой.

— Вот уж спасибо за такое лестное сравнение, — мрачно съехидничала девушка.

В ее руках покоилось, пока еще теплое полотенце, коим они оба вытерли свои лица. Последствия забавы судьбы были купированы, но по комнате продолжали блуждать запахи гнили и сочного плода. Вместе с тем в открытое настежь окно стали доноситься звуки заведённого граммофона да приятная, но очень подвижная мелодия, отчего радостный мальчишка принялся весело приплясывать. Будто бы ей в такт.

— Ну что такое? — смутился он, понимая, что гостья наблюдает за этим.

Сконфузившийся танцор немного мялся, комкая край махрового кардигана и поскрипывая носками домашних тапочек, все поглядывая в ее сторону.

— Ну что такое... В само деле...— повторил он, рукой дотягиваясь до рычажка, чтобы сделать музыку погромче, и хитро́ прищурившись добавил, — Пока мамы и папы нет. Я могу слушать что-нибудь, что хочу слушать только я... Прошу, не рассказывай им, Акация...

Музыку он в итоге не стал делать громче. Нет, мальчик просто уселся на табуретку возле музыкального старожителя, удрученно надувая щёки, с какой-то далекой печалью рассматривая большие пальцы своих рук.

— Они безусловно делают все ради моего же блага. Я понимаю это, — кивнул он, переводя теплый взгляд на девушку, — Вот только... Мне, в мои тринадцать... Столько всего хочется сделать. Столько всего, что каждый день пробуют мои сверстники! Порою такая обида обуревает : они бегают по улицам, запускают змеев и пуляются из рогаток; дразнят собак, а потом неделями лежат по больничкам, залечивая раны. Играют с чем-то или кем-то, что-то ломают, что-то теряют или обменивают дорогие сердцу вещи на сущие безделицы. Живут свои жизни. Обидно, да и только...

— Вот оно как, — вторя его печали, улыбнулась Акация, — Обязательно попробуешь. Нужно лишь немного подождать, — подбадривая друга молвила она, — Когда ты научишься управляться с собою. Когда подрастёшь и окрепнешь — станешь настоящим взрослым и будешь делать ровно то, чего пожелает твоя душа!...

— В самом деле? — хмыкнул ее друг, — Звучит, как го-

товый план. Разве нет?

— Что-то типа того...

#

Поднялась и отправилась в свой конверт очередная пластинка; вместе с нею подвижная музыка сменилась более спокойной. У этого мальчика всегда имелось предчувствие, когда дорогие па́ и ма́ должны были прийти и, как правило, он не ошибался.

— Не желаю тебе лишних проблем доставлять, — просто объяснил он, с благоговейным трепетом поглядывая в сторону заветных хеви-метал групп.

Мигом заметившая это девушка сочувственно вздохнула и произнесла:

— Ставь своих чудиков. Сегодня можно.

— Правда?! — разом оживился ребенок.

— Правда, правда. Я может и гость, однако даже я могу воспользоваться правом старшинства.

— Огромное спасибо! — заголосил он, вприпрыжку нарезая круги по комнате, отчего многочисленные фарфоровые фигурки и дутые стеклянные статуэтки заплясали в бесконечных отделах, тянувшихся по стенам полок и тумбочек.

— Но́рмо, осторожнее. Тише, — шутливо шикала Акация, усмиряя своего маленького друга.

— Ой, прости, — прикрывал он большой рот, расползшийся в неуёмной улыбке, освобожденного на краткий миг непослушания.

Высмеянная им женщина смотрела на него и с чувством, близким к родительскому, думала насколько же он неугомонный. Такой опасный возраст. Такой опасный по отношению к нему самому. Лишь один только возраст портит ему все веселье.

Он прав, многие дети одних с ним лет наслаждаются новым днем, пугаемые лишь лишением сладкого, да осознанием дальнего горизонта, который у каждого махха костями недопустимого исхода гремит над их нежными ушками.

Кем бы, или в какой семье, не родился ребёнок — в этом мире он будет маххом. А это означает только то, что где-то далеко в задумке создателя будут запущены часы, механизм небольшой бомбы, отсчитывающий песчинки до его, или ее... погибели...

Рано или поздно подобные мысли появляются в головах местного населения. Как автоматическое обновление программного обеспечения или работа нового почтальона, что прибыл в ночь, без особых проводов и объяснений заменяя своего предшественника, который долгие годы исправно нёс службу, да в преддверии пенсии вздумал с шумом и треском уйти в гражданские "дезертиры".

Вот и наблюдавшая за веселящимся мальчишкой махха пришла к аналогичным выводам, а потому не стесняясь спросила:

— Как думаешь — мы скоро умрём?

— Нууу... Точно только то, что мы умрём. В конце концов всё умирает. Но здесь твоя очередь точно следует раньше моей, — со свойственной их дружбе прямотой отшутился он, — Уж извини. Ты старее меня.

— Ну спасибо, — деланно расстроилась она.

— Селяви. Таковы факты, — ему лишь оставалось развести руками.

И всё-таки без внимания заброшенную тему он оставить не мог.

— А что такое? — спросил мальчик, — Почему такой сугубо девчачий милый разговорчик завела?

— Да так... Гляжу как ты бесишься и понимаю, что процессия в церкви будет обширная. Твоим родственникам, что мучаются от аллергии, точно живыми с нее не уйти. Ой не могу, хохма. Так и вижу : горы цветов, венки с траурными лентами, везде яркие, как ты любишь выражаться, "клоунские" костюмчики и ты — такой тихий и спокойный, лежишь на подушечке, ручки на животе скрестив... Просто кошмар. Глушите орга́н, вяжите са́ван белыми нитками, да вешайте на гробик табличку "не беспокоить"!

— Рад, что тебя забавят мои пышные проводы, — улыбнулся подросток, оценивая, долго ли его подруга будет корчится от проявления черного юмора, — Я и сам подумывал о чем-то подобном. Только попросил не приглашать никого. Лучше, чтобы встреча осталась тихой, а то мертвецы с соседних кладбищ непременно восстанут — мозгов на такую

ораву не напасешься.

Но́рмо был несказанно горд ее предположением; покачиваясь на табуретке, он вглядывался в подругу, с нетерпением ожидая, что Акация спросит дальше. И она не заставила его себя ждать.

— Но́рмо?...А ты никогда не задумывался о смерти?...

— Отчего же? Задумывался, конечно. Любое живое создание думает о подобном. Пожалуй, разве что, человек превозносит это как нечто из ряда вон выходящее. Добавляя себе исключительности, он лишь делает безобразный, гримасный акцент на собственной невыразительности. На том, насколько он ущербный. Всякое живое существо неповторимое и только двуногое ведет себя, словно пупок земли...

— Понадеемся, что тебя не примут на твой любимый философский факультет, — ехидничала подруга.

В своих беседах они позволяли поднимать щекотливые темы, какие ни она с другими взрослыми, ни он с родителями и близкими, не сумели бы обсудить из-за колкости комментариев и своеобразности размышления. Однако даже Акацию порою коробило его умение провести чёткую грань между НИМИ и ИМИ. Где "ими" выступали любые глупцы и бедолаги, не угодившие в фан-клуб на двоих.

Почти каждый учиняемый ими дискусс оканчивался подобным образом : он бубнит что-то, весело и шумно сопротивляясь идее дорогой подруги, а она наглядеться не может, настолько сильно ей хотелось скорее завести своих "нормо-

ков" и "нормонок". Ведь в силу ее с ними родства, дети точно пошли бы в мамочку своей сумасбродностью, а только лишь с такими время протекает весело. Можно сказать — безветренно.

Целый день они просидели в рассуждениях и жарких спорах. Двум друзьям было жутко весело так коротать время.

Они вместе трапезничали, решали, чем бы ей заняться, когда это время придет; придумывали новые занятия и темы для самих себя.

Наконец наступил вечер. За окном сгустились мрачные краски и в монотонном пласте улицы зажглись огоньки соседних домов, а музыка сменилась трелью соловья, коего вовсе не смущала чахлая обстановка. В его душе цвела весна. Его песня звучала на обратный от недавней беседы мотив — жизнь. Настенные часы пробили девятый час и вместе с тем щёлкнул дверной замочек, запуская внутрь истинных хозяев дома со сливовыми стенами.

— Какая же холодрыга нынче на улице. Не ровён час через несколько минут снег повалит, — развешивая по крючкам пальто возвестила старушка Тильд и замечая чужую пару обуви добавила, плавно заходя в главную комнату, — А я так погляжу у нас гости?...

— Именно, — весело отозвался их сынишка, переставляя фишку по клеточкам цветастого поля (очередной) настолки,

— Мам, пап, вы ведь не против? Эта гадкая яблоня снова обидела Акацию, ну я ее и пригласил. Она умылась, а потом осталась со мной сидеть. Говорит, что она — ответственный взрослый, а такие детей в трудные минуты выручают.

—Это так? — поднимая к небу седую бровь спросила Эльза.

— Да, — спокойно кивнула девушка.

Неизвестными силами держалось ее спокойствие, поскольку на поле игры маленький игрушечный "цилиндр" в который раз угадил на клетку "тюрьма", а бумажные долги и полнейшее отсутствие понимания правил игрушки оставляли мечты о финишной прямой далеко за облаками.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.